

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ДНЕВНИКОВ СВЯТИТЕЛЯ НИКОЛАЯ ЯПОНСКОГО

1/13 Января 1872.

В два часа по встрече Нового Года.

Хакодаме. Tempora mutantur.*

<...> Немалая отрада иногда думать: «Труды»-де — «не бесплодны»; но горем убивает следующая за тем мысль — какие труды! Так ли нужно действовать настоящему миссионеру! Тут просто от обстоятельств Японии зависящий прилив людей, желающих лучшего, чем у них свое! И удовлетворяются ли их желания? Ничуть! Как манны небесной ждут от меня уроков христианских, а я вожусь с Церковью, с лексиконом. Но как бросить и это? Просто — сплетение мучащих обстоятельств, и нет счастья, нет покоя — ни душевного, ни телесного! Да куда тут счастье! Провались оно совсем! Вались, как пень через колоду, моя судьба! Разбейся пустой сосуд моей горькой жизни, и чем скорее, тем лучше! Вечно один с своими мыслями, своими неудовлетворяемыми стремлениями, желаниями, начинаниями, мечтами. И все — точно пузыри с горохом: звонки и пусты. И не тешат, а гремят и терзают слух и сердце! Для чего ты породила меня на свет, моя мать! Для чего ты не приняла меня до сих пор, мать сыра земля? Успокоиться бы, уснуть хоть раз без забот! И если Милостив Господь, то ужели он пошлет меня навеки в ад? Хоть бесплодны мои глупые тревоги, но не злонамеренны ж они, окромя моих разных человеческих грехов! Грехи грехами, но не ими

и не для них я жил, а была у меня идея жизни — служение Вере и Господу, и если бесплодна она была, то моя ль вина, что не было у меня ни сил, ни счастья? Сотвори, Господи, суд и прю! И вот жду, жду я себе другого товарища. Не ждет с таким нетерпением влюбленный жених свидания с невестой, как я жду его! Но мне ли, горемыке, счастье скорого свидания? Исполнится вся мера всех возможных и невозможных препятствий, замедлений, отсрочек, просрочек, и уж когда самая злая и хитрая судьба не найдет больше никаких мер, прибудет он. Но каков будет? Больно уж проучил меня один, чтобы лелеять сладкие мечты насчет другого. Успокойся, моя злая судьбина! Не жду я себе счастья. Рано покинула меня одного на свет родимая матушка! Не привык я, чтобы чья ласковая рука гладила мою русую голову. И не дам ее ласке! Жду всех бед и несчастий! И идите вы — все вы, адские чудовища; идите, терзайте — поборемся! Сломите ль? Проклятие, сто раз проклятие тебе, ад! Выходи на борьбу! Готов и в этот год, как в прошлый!

20 Декабря 1876 / 1 Января 1877.

Больно уж хитро закончено начало 1872 года. Эк ведь экзальтация! Она и в гроб со мной пойдет. Чувствую, что и перед самим собой выражаюсь дико, пиша дневник, а как избежишь фразы, привитой с детства вроде оспы? Именно фраза — мучение, и все, от чего будто бы волос должен поседеть, что — выше. Слава Богу, волос не сед. Значит, природа здравее, чем воспитание. И иди-ка воспитание в направлении природы, из нас выйдут богатыри, взамен мелких теперешних людишек, что пред глазами, — не исключая и себя самого. Да-с, природа родит — то Божье дело; воспитание или недостаток воспитания — портит, то — несчастье наше. Ну-с, что же природа тебе дала, и что воспитание испортило? А природа дала мне прямой здравый смысл, не совсем дурную натуру; воспитание же из здорового смысла сделало парадоксальную мечтательность, из доброй натуры — тревожную, подозрительную, стеклянно-хрупкую душу.

***3/15 Апреля 1880.
Четверг Пятой Недели
Великого Поста.
В Москве.***

<...> Вернувшись, застал у Преосвященного Алексея философа Владимира Сергеевича Соловьева и профессора Павлова. Первый спустился со мною ко мне, чтобы интимно поговорить, и удивил меня, сказав, что хочет постричься в монахи и на первые годы просится пожить в Миссии — будет полезен в это время преподаванием в Семинарии. Я прямо стал отсоветывать ему монашество — на том основании, что и для Церкви полезней, если он, стоя вне духовенства, будет писать в пользу Церкви. Побуждением к монашеству он выставляет «слабость характера своего» — тем более ему нельзя быть монахом. Вообще, эта личность — весьма яркая и поражающая; смотрит истинным философом, довольно мрачным; ему всего двадцать семь лет.

***11/23 Апреля 1880.
Пятница Шестой Недели
Великого Поста.
В Москве.***

В одиннадцать часов отправился к адмиралу Ивану Семеновичу Унковскому*, согласно записке Ивана Сергеевича Аксакова. В первый раз видел этого человека, так известного в Японии, особенно в Нагасаки. Видно, что любит Японию и что добряк; лицо — простое, приветливое; большая лысина; здесь же был его брат — генерал по-видимому; и жена — молодая и красивая; рассказывал, как японцы сделали ему модель судна, где — и царапины на машине, и прочее.

***22 Мая / 3 Июня 1880.
Четверг. В Москве.***

Боже, скоро ль в Японию! Надоела Россия, то есть надоело безделье, как горькая редька! Кажется, скоро одурею!

1/13 Июня 1880.

Воскресенье. В Москве.

<...> Вернувшись, у Преосвященного Алексия встретил знаменитого писателя Фед. Мих. Достоевского. Уверения его о нигилистах, что скоро совсем переродятся в религиозных людей и теперь-де из пределов экономических вышли на нравственную почву; о Японии: «Это желтое племя, — нет ли особенностей при принятии христианства?» Лицо резкое, типичное, глаза гордые, хрипота в голосе и кашель — кажется — чахоточный.

7/19 Ноября 1880.

Пятница. На пути из Гонконга в Иокохаму.

Десять с половиною часов утра. Идем около берега Ниппона. Погода — ясная; ветер — легкий, северный, несколько холодный. Переношу мысль за двадцать лет назад. С каким трепетным чувством я приближался тогда к Японии! Такое высокое (не могу иначе назвать, как целомудренное) настроение было тогда; крайне боялся чем-нибудь не понравиться японцам. Помню, в Декастри, чтобы сделать визит на японское судно, сразу самую богатую и дорогую рясу (бархатную) надел и с первого же слова подарил доктору Фукасе-старшему компас, быть может жизнь мне спасший в пургу на Амуре. Так и казалось мне, что вот уже становлюсь на почву Евангельской проповеди, и ни волоском повредить не хотелось восприимчивости слушателей. Юношеское увлечение, взгляд сквозь розовые очки! Восемь тяжелых трудовых годов пришлось провести, пока явился спрос на проповедь, и тогда желающих слушать уже никакие мелочи не могли отвлечь. Десять лет тому назад, тоже не без волнения и достаточной еще свежести чувства, я подъезжал к Хакодате на парусном судне, в холод. Ярko горела вечерняя звезда на небе — ее я спрашивал, мне ли она предвещает добро? Да, она была доброю предвестницею. Еще восемь трудовых лет прошло. Вот теперь в третий раз я приближаюсь к Японии. Нет юношеского волнения. Охладили кровь лета. Есть только нетерпеливое желание поскорей

кончить надоевшее путешествие, да радостно думается о свидании с друзьями. Завтра увижу я их. Посмотрим и сравним, приятней ли свидание с друзьями в Петербурге или — обратно в Японии. И в каком виде я найду Миссию и Церковь? Вероятно, много и неприятного встречу — запущенность, опустелость и тому подобное. И что-то обещают ближайшие десять лет? Будет ли еще путешествие в Россию, или — на том свете? Если — в Россию, то с каким настроением придется приближаться к Японии в четвертый раз? Бог знает! Бог начертывает будущее, и дай Бог, чтобы в нас самих ничто не мешало исполнению Его Воли над нами!

Бедная эта минута, но пусть удержится она в памяти со всею обстановкою. Напротив меня, наискось, несколько влево, за столом отец Димитрий, диакон, сидит и пишет что-то; направо, в открытую дверь видна синевая моря, с зайчиками кое-где, и выше — голубое небо; прохаживающийся Львовский мелькает иногда, закрывая вид. На другом столе, направо, молодой англичанин пишет, и около него другой молодой англичанин, с пораненным носом, и японец Ито играют в шашки и спорят поминутно. Настроение духа — ни дурное, ни хорошее.

Одиннадцать часов.

8/20 Ноября 1880. Ночь часов вечера.

Последние часы путешествия. Целый день сегодня провел, думая о Миссии. <...> Вечером, после обеда, в каюте Львовского пели «Деводнесь», «Херувимские» и прочее. После, до сих пор, гулял наверху. Видел маяки и землю очень близко. Осталось до Иокохамы миль восемьдесят; с полдня было всего сто восемьдесят. Часа в три остановились, чтобы утром, часов в девять (должно быть) в Иокохаме стать на якорь. Вечерняя звезда, единственная, видна сквозь туман и высоко-высоко поднялась, и ярко светит над туманной дымкой; луна полным кругом, также хорошо освещает нам путь. Завтра — на месте; и опять, как ни в чем не бывало, — прошлогодние заботы, уроки, переводы и прочее на плеча. Дай, Господи, бодро нести бремя! На усталость теперь пожаловаться не могу. Отдохнул — пятнадцать месяцев ничего не делал. Перемены желать так-

Железнодорожная станция в Йокогама у европейского квартала.

Нагасаки, вид на бухту. Фото кон. XIX в.

*Пожарная бригада
на празднике у моста Ёсида, Йокохама, Канагава. Ок. 1890 г.*

же не могу — нигде не нашел лучше, как в Миссии, за обычным трудом. Везде до сих пор скучал, с тех пор как оставил Японию. Итак, опять к желанному. Прощай гулянье, прощай путь, прощай скука! С Богом, бодро за любезный труд!

10/22 Июня 1881.

Среда. В Камаиси.

<...> По дороге встречались группы разряженных богомолок, плетутся куда-то около Ямада — к идолу, кажется, Дзидоо [?], покровительствующему жатве. Это после посадки риса — молиться, чтобы был урожай; а главное, чтобы прогуляться, должно быть. Но замечательна вообще эта повсеместная потребность народа в богомольных хождениях. Ее нельзя не иметь в виду при водворении христианства между народом.

<...> Поют ужасно. Я должен был остановить всю многочисленную ораву дерущих зря глотку и оставить только двоих, которые хотя тоже зря пели, но не так раздрачительно выходило (и замечательно, что тетрадь нот почти в клочки изорвана).

11/23 Июня 1881.

Четверг. В Съакари-Мура.

<...> Вид гор, когда утром выехали из Камаиси, рассеял тяжелое впечатление от Мацумура. Особенно красиво видеть зарождение облака, как тонкою свежеею струею тянется из залива в долину легкий пар, чтобы потом, опустившись, стать сначала ватообразной массой, а затем свинцовой тучей.

12/24 Июня 1881.

Пятница. В Оохара.

Выехали в 5^{1/2} часов утра. До Сакари тянется от моря узкий залив полосой — наподобие реки, верст 7 длиной.

Множество в этих местах фазанов, с разных сторон из чащи кричащих

своим двукратным горловым, несколько хриплым дискантом. Тетерев... турлычет из лесу, горлицы воркуют на высоких соснах, мелкой птахи, беспрестанно кричащей, бездна.

<...> Все вместе отправились в дом Сайки, уже когда стемнело. Илия уверял, что соберутся христиане. Отправились, чтобы отслужить вечерню и сказать проповедь. То и другое сделали. Но за исключением семейства Сайки и нас пришедших... почти никого не было. Народу, действительно, теперь некогда; и здесь, как везде, для земледельцев и разводителей шелков[ичных] червей вместе свободное время для слушания проповеди с 10-го месяца, когда уберутся с полей, до начала 3-го, когда поля начинают готовить под посев.

15/27 Июня 1881.

Понедельник. В Иокохама.

<...> Вообще нужно иметь в виду всех христиан, отлучающихся в места, где нет церкви; нужно не терять сношения с ними и поддерживать в них христианский дух; все они дети Церкви, и мы ответим за них, если дадим заглухнуть среди язычества.

16/28 Июня 1881.

Вторник. В селении Оно.

<...> Дальше на пути лежат почти сплошные огромные селения. Проповедника здесь непременно нужно. Это не то, что по разбросанным селениям — гоняться из дома в дом; здесь, если Бог пошлет успех, в каждом селении может быть огромная церковь.

<...> Вечером пришли человек 7-8 жителей Оно, прося свидания. Принял. Разговор о Вере. «Не знаем, какому христианству следовать, их много». — «Испытайте, для того дан разум; Бог откроет истину, если будете ревностно искать».

8/20 Авг[уста] 1881.

*Суббота. На пути из Тоокёо
в Хакодате.*

Человеческая жизнь состоит из такого разнообразного сочетания мыслей и чувств, что решительно не поймешь, каким это чудом паяется и продолжается беспрерывно эта цепь, называемая душевною жизнью. Не мало искусства нужно — припаять разом железо к золоту, соединить органически бриллиант с кремнем или булыжником, а в душевной жизни эта работа производится кем-то и как-то так искусно и незаметно, что только ахнешь, осмотревшись и увидевши себя через день, даже час, совершенно в противоположном состоянии духа.

<...> Подъезжал к Хакодате, но с какими дрянными чувствами! Что за мерзость душевное состояние! Сошел с ума сослуживец, так нужно его взять из Хакодате, увезти в Тоокёо и оттуда — отправить в Россию. Что за отвратительное дело! Мало всегдашней возни с дураками или подлецами, нужно еще явиться на дороге и сумасшедшим — «и с ними-де понынчись». Э-эх, горькая судьбина! А в Хакодате затем остаться некому: церковь и вещественная, и невещественная может пойти на ветер. Но что лучше, возвышенной, благородней по-видимому служения миссионерского! И оно-то вот так тянется и само себя ослабляет и укорачивает. В 20 лет кого сотрудников приобрел? Или флюгера, или интриганы, или полусумасшедшие, или совсем рехнувшиеся! Я почти в отчаянии! Едва ли выйдет что из Яп[онской] Миссии! Совсем потерял бодрость. Посмотрим еще, потянем лямку. Хотя как же мерзко, бездушно она тянется. В 20 лет могу ослабеть и состариться, какими бы идеалами ни был заряжен. Вот — к месту моей жизни приближаюсь; если бы все хорошо было, как бы радостно было окунуться в воспоминания, а тут, кроме мерзейшего, отчаяннейшего состояния духа, ничего не вызовешь! Эх... доля моя несчастная! Хоть бы сжалился Бог и немножко бы дал бодрости!

1/13 Января 1882.

Пятница. Дух[овная]

Миссия в Тоокёо.

Предыдущие 10 лет прошли для северо-востока Японии. Наступающие 10 лет должны быть употреблены преимущественно для юго-запада. Это общая мысль будущих десяти годов. Частности же кто уследит в прошедшем и кто назначит для будущего? Душа человечес[кая] ежедневно призма, отражающая — не семь, а семьсот цветов с их бесчисленными переливами. В предыдущее десятилетие я вступал — с каким чувством острой боли! И как же разнообразно оно было — это десятилетие — чувствами, мыслями, действиями! В следующее — теперь вступаю с вялым ощущением. — Уже в усталости жизнью и службою? И сам себе еще не могу дать отчета. Быть может, у всех 45-летних бывает это какое-то спокойствие жизни, происходящее от того, что все определилось — не ждешь ничего неизвестного, все знаешь наперед за день, за месяц, за год; мудрость эта житейская — так и называется она: только не лучше от нее, не теплее на свете. Не знаю, что-то напишется по истечении еще 10 лет, если рука не будет в то время в гробе.

А ныне что-то серо, незначительно, нерадостно, хоть и манит даль, и есть несокрушимая ничем уверенность в общем успехе в будущем. Ничтожность я сущая — так и сознаю себя искреннейше; но уже не я один, — ради моей ничтожности не может остановиться дело. Играет луч света, если оглянуться кругом, и на том, и на этом, и на другом; тут, видно, дело не личностей, а дело дела, дело Божье и дело массы. Будем довольствоваться и тем скромным упованием, что из-за нашего недостойства Господь не остановит своего дела и спасения многих.

9/21 Января 1882.

Суббота.

<...> Интересен Rev. Harratt [?] с своим уважением к Правосл[авной] Церкви, всегда почтительно целует руку и просит благословение; но присоединиться к Православию едва ли решится, слишком мягок для этого трудного подвига.

19/31 Января 1882.

Вторник.

Василий Кикици умер, сегодня известили телеграммой. Ухаживай тут за семинаристами! Лишь только польза от него, глядь, и нет его! Виссарион Авано тоже близок к тому; сегодня из Тоносава извещал, что ему и Павлу Морито нужно по 14 [й]ен в месяц, не жаль, пусть лишь будут здоровы; да едва ли оправятся! Этакие слабые организмы! Не знаешь, учить ли или полу-учить?

22 Января / 3 Февраля 1882.

Пятница.

Сегодня о. Дмитрий уезжает в Иокохаму, а завтра утром на французском пароходе отправится дальше. Все-таки грустно расставаться. Э-эх, человеческая жизнь! Точно слепец — бредешь — наткнешься и, так как внутренних глаз нет, столкнешься, да потом-то уже, когда начинаешь ощупывать, точно улитка слепыми щупальцами, находишь, что или жестко, или колется, или не по месту, ну и назад, щупальцы спрячешь и бежишь. Так я уже от четверых убежал... первых двоих сам же первоначально принял. Если бы прозорливость, внутреннее око, видящее более или менее душу ближнего, разумеется, ни мне бы ломки, ни мне бы горя и печали не было. Очевидно, для Миссии они все не годятся, но для чего женибудь годятся; не брать бы их в Миссию, служили бы они инде [?] и, может, с большою пользою для себя и других... Но, знать, *ergare humanum est** — всякому суждено повторять из глубины глубокой глубины души.

23 Января / 4 Февр[аля] 1882.

Суббота.

Уже ли же никогда Господь не пошлет настоящего миссионера в Японию? <...> Какие качества д[олжны] б[ыть] настоящего миссионера? Да прежде всего смирение. Приедет он смиренным, незаметным, молчаливым. «Что и как здесь? Научите, пожалуйста», — да в год, много в два, овладеет языком, завоеует симпатии всех христиан, войдет в течение всех дел по Миссии, все узнает внутри и вне; при всем этом ни на волос не будет в нем заметно усилие проявиться, дать себя заметить. Он будет, напротив, везде устраниваться, стушевываться, «Я, мол, только учусь» — но сила будет говорить сама за себя и будет возбуждать к себе доверие и симпатии. <...> И глядь, миссионер, сам по скромности не замечая того, оказывается центром, около которого вращается все, сила из него истекает и вращает все, и придает жизнь и быстрое движение всему. Много можно бы пофантазировать, да где он? Будет ли когда? <...> А сам ты отчего не таким [?]? Куда нам!

27 Января / 8 Февраля 1882.

Среда.

<...> С пустым внутренним содержанием и полированным внешним видом, японцы ужасно надоедают иной раз; вчерашние, у кого проповедывал, целою гурьбою пришли благодарить сегодня — ну что за нелепость! И сами время теряют, и тебе мешают! Пусть бы пришли и язычники, которым можно бы было при этом назидание сказать, а то — катехизатор, старшина церков[ный] и христианин, у которого была проповедь. И улыбайся им, и раскланивайся! А сказать, зачем, мол, попусту бродите и мне мешаете, — не поймут и обидятся.

28 Января / 9 Февраля 1882.

Четверг.

Пришла почта, принесшая, между прочим, 56 № «Руси» за 1881 г., отповедь философа В. Соловьева на послание Св. Синода к православным хрис-

тианам. Сущая правда. Но бездейственны все эти истины! Кто в Синоде встре-
пенулся бы, как бы истина не клюнула в глаза? Уж не субъекты ли в роли
Бажанова* — этого тоже в своем роде нигилиста, издевающегося в прилич-
ной, конечно, форме над всем? Из-за того что царский поп, этот отец, ставит
себя на такую высоту, что и с архиереями не хочет служить, чтобы не стоять-
де ниже их! Уж в этом одном факте высказываются и поп царя, да и сам царь!
Нет законов Божьих, и нет, значит, Бога ни для попа царского, ни для царя;
недаром, стало быть, бьют царей, ставящих себя вне законов Божьих! Пусть
справляются своими и своих попов законами, коли не хотят знать законов
Христа Спасителя и Его Церкви! Эх ведь, охота людям из-за своего власто-
любия ли, корыстолюбия или просто глупости ставить себя вне всяких зако-
нов! Ну и бьют — как беззащитных и беззаветных! Вне закона, что же за
человек!

29 Января / 10 Февраля 1882.

Пятница.

<...> Покупаем здесь на Сургадай место для семинаристов... место Оохара
за 7000 иен. Хорошо, если все благополучно состоится. Хорошо бы еще ку-
пить внизу место для храма, а через дорогу, внизу или вверху, место для жен-
ской школы; подряд же с Оохара хорошо бы приобрести место, бывшее Ооку-
са, для Семинарии. Если бы все это устроилось, то учреждение Миссии стало
бы на твердую ногу. Конечно, место для храма нужно бы приобрести на наше
имя, а не на японское, чтобы не был подвержен храм нелепым случайностям;
но дипломатия наша согласится ли?

30 Января / 11 Февраля 1882.

Суббота.

<...> Был Ниси, служивший Поверенным в Делах в Петербурге. По-
видимому, Японию не откроют для иностранцев и при нынешнем пере-
смотре трактатов; говорит Ниси, что это единственное их орудие против
иностранцев, пока последние не согласятся на японскую юрисдикцию.

Недурно, если бы Ниси опять поехал в Россию представителем Японии — и знает Россию, и не ненавидит ее, а это редкость, не только у японцев, но и у всех иностранцев.

1/13 Февраля 1882.

Понедельник. Масленица.

<...> Э-эх, кажется, терпение скоро оборвется и уеду из Японии! Вечно в грязной луже стоять — очень уж опротивело. Хоть бы какое благородство чувства здесь, о благочестии и упоминать уже нечего! Постоянно корысть, тунеядство, надувательство, низость, свинство — из души воротит!

27 мая / 8 июня 1882.

Четверг. Каконгава.

<...> В ближайшем будущем Накаи не видит здесь надежды на быстрые успехи. Но теперешних христиан нам беречь нужно, отчего и после Собора проповедник здесь необходим.

Жители здешние христианства еще очень не любят. Христиане терпят немало... огорчений из-за веры, но все твердо хранят ее — нет ни одного ослабевшего.

Народ здесь весь поглощен материальным, о каких-либо духовных интересах и помину нет. <...> Но распушенности нравов и разврата здесь нет; народ только груб и подавлен материальными заботами, неразвит, но не испорчен. Значит, время для христианства еще придет.

1/13 Июня 1882.

Вторник. Оосака.

<...> Чтобы взглянуть на Оосака с высоты, заехали в какие-то улицы, где множество храмов — буддийских и синтоистских, — и храмы все богатейшие; в одной мия видели, между прочим, «мия-макри»: повивальная бабка, через 40 дней по рождении ребенка, приносит его в мия, чтобы освятить его и испросить для него милость богов; с ребенком на руках

бабка садится на соломенном кружке пред кумирней, а каннуси в кумирне читает молитву; потом бабка входит в кумирню с младенцем, где каннуси оканчивает обряд потрясением бубенчиков над головой последнего. При всем повреждении, человек, как видно, никак не может истребить в себе потребности быть посвященным Богу и быть вместе с Богом.

С высоты Оосака представляется городом, скученным в одну группу; здесь не жили князья и нет потому пустырей, как в Тоокёо; население сплошной массой заняло побережье, прорезанное рекою и каналами. В Оосака невольно обращаешь внимание на необыкновенную чистоту, с которой содержится город; улицы выметены, точно аллеи отлично содержимого сада; о богатстве города нечего и говорить, о нем свидетельствует как наружность домов, так и обилие лавок, а в них товаров. <...>

О[тец] Яков рассказал замечательный случай исцеления, принесенного неисцелимому больному приобщением Св. Тайн. <...> Здешний врач Лука Мацусима заболел «какке», болезнь развилась наконец до такой степени, что лечившие его врачи признали его безнадежным и перестали лечить. Лежал уже он неподвижно — ничего не мог проглотить, — все рвало вон. Наконец и он сам, и окружавшие его родные нашли, что пришел его последний час. Послали за о. Яковом, чтобы его напутствовать. О[тец] Яков оставил проводившуюся в то время катехизацию и, поспешив на зов, застал больного еще в памяти и, исповедав его, потом приобщил; к удивлению всех, причастие он проглотил и удержал в себе, назавтра ему было лучше, а... призванные опять врачи объявили, что с ним произошла совершенно неожиданная и удивительная перемена. <...> Через несколько времени Лука был совсем здоров, каким пребывает и сегодня.

8/20 Июня 1882.

Вторник. Оказаки.

Здешние местности знамениты в японской истории тем, что самые крупные личности последних веков — родом отсюда. В 1 ри* от Нагоя на запад находится деревня Накамура (домов 60), в которой родились Тайко Хидеёси и Каийо Ииёмаса [?]. В Оказаки родился Токугава Иеасу.

Нобунага также из здешних мест. Сегодня в 5 ри от Нагоя проезжали местность, покрытую невысокими холмами, с одного из них, как снег на голову, спустился Нобунага с маленьким своим войском на погруженный в сон огромный стан Имагава Ёсимото; на месте, где стояла палатка Ёсимото и где ему отрублена голова, стоит надгробный памятник ему. Здесь ярко расцветает звезда Нобунага, к сожалению так рано погибшего в Хонноодри.

<...> Нравы в Оказаки гораздо лучше, чем в Нагоя, но также немало распушенности. Впрочем, народ Микава еще не потерял своей репутации «честного народа», до того установившейся, что в Тоокёо, например, довольно назвать себя жителем провинции Микава, чтобы успокоиться на счет честности. — Вместе с тем жители Микава отличаются неразвитостью, что — не в пользу христианства.

2/14 Июля 1882.

Среда. Киёто.

<...> Дайбуцу. Огромнейших размеров бюст Будды Таико Хидеёси отлил. Лишь только был сделан и поставлен этот идол, как землетрясением опрокинуло его; Хидеёси рассердился и стрелой из лука наказал Будду, приговаривая: «Если ты сам себя не можешь сберечь, то что проку от тебя!» Впрочем, идол опять был поставлен. А после Хидеёси его разбил и обратил в металл для отливки монеты, на месте же его сделали деревянное подобие его, весьма грубое, которое стоит и поныне. Посмотревши en-face на Будду снизу, всходим по лестнице, чтобы заглянуть с затылка, но там только видна сплошная сеть лесов, на которой утверждена передняя обшивка лица из досок.

16/28 Апреля 1884.

Понедельник Фоминой.

«Церковь в упадке», — Савабе клеветает. Не в упадке — она и не поднималась высоко, чтобы упасть, а слаба как дитя, как юное деревце. И они... бьют еще это дитя, ломают ветви малого слабого деревца, — а сами кричат

— в упадке! Что за ослепление! Видно, что враг рода человеческого начал свою борьбу и против Церкви, как ни слаба она. Подкрепи ее Бог!

16/28 Июня 1884.

Суббота.

<...> Да разве Христос обещал нам что-то другое кроме креста в сей жизни? Итак — что же смущаться и робеть? <...>

22 Июня / 4 Июля 1884.

(Из речи катехизаторам.) Все вы, когда выходите из школы, — ревностны. Отчего? Благодать, призываемая вашим желанием, возбуждает вас и дает огонь; кроме того, смирение еще есть в вас, которое и не мешает действовать благодати. Что же значит, что, послужа, вы слабеете? Дух угасили, обеднили, а иногда и выродились, — благодать и оставила вас. «Духа не угашайте» — вот средство, ревность не ослабляйте. Скажете — трудно? А вы хотите только легкого труда, хотите пряников всегда по-детски, не хотите взрослой пищи, хотите широкого пути, а указанный Спасителем узкий путь вам не по вкусу, — а крест нести и за Спасителем идти не нравится. Если окончательно так, то лучше не служить. Но ведь не так? А просто слабость? <...> Говорят — надоедает, но разве надоедает матери всегда одинаково кормить детей или учителю? Что ж, иногда и почувствуешь усталость, — так средство здесь же, около тебя... мысленно призови помощь благодати... и бодрость с тобой. Вы видали ли, чтобы я без улыбки входил в класс или на кафедру? А разве мне тоже не надоедает всегда одно и то же? Так на что же молитва? «Проси и дастся, толки — отверзется» — разве пустые слова? Что же не просите? Что не употребляете силы, которая с вами и при вас? <...> Что до учености, то не придаст она силы, а уменьшит, ибо развлечет, оттянет много мыслей, сердца — на предметы мирские. <...> Ученость совсем не нужна для успеха проповеди. Кому нужна вера, тот возьмет от вас веру и не станет требовать науки, зная, что для этого есть другие источники: и вы, преподавая одну веру, будете сильнее, сосредоточеннее, сердечнее. Между Апостола-

ми один Павел был учен, и того называли сумасшедшим за ученость. Не велика корысть [?!] И не даром это написано, а в поучение нам. Но Апостолы были облагодатствованы? Так будьте и вы! Благодать открыта и для вас. Вам нужно только ясно усвоить вероучение, — нужно также знать отличие и превосходство православия над инославием. <...>

9/21 Сент[ября] 1884.

Бонзам, наподобие сегодняшнего пламенного возражателя:

Вы набрали полные карманы камешков и погремушек и с пренебрежением смотрите на золото: «у нас-де полные карманы». Да выгрузитесь, освободитесь из-под хлама на время и тогда сравните ваш камень с нашим хлебом жизненным, вашу змею с нашей рыбой.

...Бог дал человеку легкие и создал воздух, дал глаза и создал предметы зрения, дал разум и велел назвать имена животных, точно так же дал свободу — и указал древо познания добра и зла — без сего последнего так же не ощутил бы себя свободным, как без предметов зрения — ничего бы не увидел, без земли под ногами — не ходил и т. д. <...>

29 Сент[ября] /11 Окт[ября] 1884.

<...> Как начинать речь с неверующими? Хоть со следующего образа. Представьте себе, что за дверьми этого дома вас ждет одно из трех: или вы убиты будете при выходе, или взяты в тяжелый плен, или приняты в светлое царство. Вы не знаете, что же именно. Но знаете, что из этого дома вам выйти непременно. Не будет ли неблагоприятием, если вы беспечно направляетесь к двери, не думая и не исследуя? Или вы уверены, что непременно будете убиты. Но на чем же основана эта уверенность? Не нужно ли проверить, прочна ли основа? Спросите у людей. Тут вся вера веков и народов против вас. Стало быть, нужна проверка, и нет нужды важнее этой. <...>

2/14 Окт[ября] 1884.

Мы когда мечтаем о деле, то оно нам нравится, а принялись — прескучно. И это естественно: в думах нам представляется дело целостным, с его успехом, благими результатами и проч[ими] благами, а станем делать... ..процесс надоедлив, ну и скучно. Дума нас не обманывает: когда кончим дело, тогда получим удовольствие, о котором мечтали, — но изволь-ка добраться до него! Торопливость мечты тут скорее вредна, чем полезна, — когда она покажется нам радужным крылом, тогда ползти червем уже и [нрзб] — ну и бросаешь часто, и скверно бывает!

21 Июня / 3 Июля 1885.

Если бы предстояло претерпеть за Христа 3 секунды невообразимо лютых мучений, разве не согласился бы (разумеется, испрося помощи Самого Христа)? А если бы эти мучения разбавлены были на 3 минуты, причем лютость их соразмерно уменьшилась бы, будто отказался бы? Если бы разбавлены были мучения на 3 часа, разве бежал бы? Если бы на 3 дня, — на 3 месяца, на 3 года, на 30 лет, — причем в той же соразмерности убавляема была и мучительность их, так что тридцатилетнее мучение было бы просто то, что называется трудностями житейскими, — разве отрекся бы Христа? — Вот же однако отрекаюсь! От многих трудностей отрекаюсь! От повреждения своих страстей, от труда изучения письменного японского языка, от сочинения апологет[ических] статей, от писем окруж[ающих] и проч. — Помоги же, Боже! Избави от Петрова отречения! <...>

7/9 Июля 1885.

Печатается Псалтирь. Что дальше переводить? Думал было Требник и Служебник, но оставить сие и иметь в памяти, что через три года будет готов Храм, стало быть богослужение д[олжно] б[ыть] правильное, как вообще в Православном Храме; для сего же нужно: в три года приготовить: Постную Триодь, Цветную Триодь (обе вместе составляют треть годового Богослужения); Праздничную Минею и Общую Минею. После этого уже можно и должно перевести Требник и Служебник. <...> Сии

последние, какие бы ни были, в обращении уже есть, и поправить — не составляет большого [нрзб], а Триодей и Миней — и в помине нет*. Итак, не сбиваясь с толку никакими соображениями, впредь вести вышеуказанный порядок переводов.

Затем, к тому времени, как будет готов Храм, нужно приготовить и храмовое (соборное) духовенство. <...> Пишется сие красными чернилами, чтоб не забыть сих двух предметов — Богосл[овских] книг и духовенства, а всегда иметь их в виду, ибо касательно особенно последнего — не знаешь, где потеряешь, где найдешь.

31 Марта / 12 Апреля 1886.

И для чего бы я поехал в Россию? Свидания и посещения, это — такие эфемерные удовольствия, что в воображении они лучше, чем на деле. Не забывать опытов предыдущих поездок. <...>

17/29 Ноября 1886.

<...> Мучительные сомнения — не загублена ли даром жизнь и, вдобавок, множество русских денег? Станет ли Православие в Японии? Кому работать для этого? Ведь вот один как перст, ни единой души русской больше в Миссии. Да что здесь! И в самой России штундисты и прочие секты с ножом к горлу лезут, а миссионеров — один о. Арсений Афонский на всю Россию нарасхват, и нет помощников, учеников у него, жалуются бедный и ищет, и едва ли найдет! Итак, не рано ли еще пускаться русским в заграничное миссионерство? Колоссами высятся везде католичество и протестанство! Какие массы людей! Какие неувядаемые, неисчерпаемые фаланги деятелей! А здесь хоть бы кто на помощь (настоящую помощь, разумеется). Что мы? Как брызги, которые бесследно всосутся в песок! Как ни закручиниться, как ни прибедниться! Разве чудо Господь сотворит, направив Японию на Православие? <...> Но достойна ли Россия того и достаточна ли Миссия? <...> Боже, Боже, как громад-

ны, неистощимы средства... и ресурсы — и материальные, и нематериальные — у католиков и протестантов, и какая бедность... у нас, не имеющих ровно ничего кроме Истины, без малейших средств и ресурсов даже заявить ее! <...> Скоро Прот[естанты] и Кат[олики] сомнут нас под ногами и оставят далеко позади себя! А там что — ничтожество и исчезновение? Ужели это? Итак — жизнь загублена! Множество русских кровных денег брошено в огонь! Какое мучение может быть горше этой мысли! <...> Боже, не дай совсем ослабеть! Если же в самом деле я здесь совершенно бесполезен, то укажи путь в Россию!

18/30 Ноября 1886.

Вчера написанное — одно малодушие. Нашей нетерпеливости хотелось бы, чтобы перед нашей секундой бытия сейчас же и развернулся весь план судеб Божиих. Вероятно, во всем есть смысл, что намеренно сам человек не ставит в противоречие разуму Божию. Ведь я же не для себя, не по самоволию поехал в Японию, а мне хотелось сделать какое-то добро, — так отчего же не положиться на волю Божию? Вероятно, и моя жизнь имеет какой-нибудь смысл и какую-нибудь пользу, ну хоть бы даже ту, чтоб показать, что в России нет миссионеров. Если в простой былинке, которую мы небрежно растаптываем, все-все клеточки имеют свое назначение и приносят свою... пользу, то человек неужели бессмысленнее и захудалой клеточки? Подумал бы так, значит уже разом отказался бы от всякой логики и всякой веры. Итак, нужно... стоять на посту и спокойно делать, что под рукой, не заботиться о прочем: мы рабы — Хозяину виднее, он пусть заботится! Но и безучастно относиться к своей службе, как то делают дрянные рабы, — а влагать сердце и душу в нее, — но спокойно, от неудач не опускать голову и руки, от удач не поднимать выше обыкновения голову и не давать пульсу биться сильнее, — Хозяин-то правит ладьей жизни нашей, — и, затишье ли, быстрое ли течение — все это его дело, а наше — спокойно грести, не выпуская весла, пока смерть не выбьет его из рук. Ныне мало верится в обращение Японии в православие; слишком уж много здесь прот[естантс-

ких] и кат[олических] миссионеров — до 500 человек; и слишком Япония во всех решительных отношениях увлечена цивилизацией протест[антских] и катол[ических] стран; английский язык повсеместно изучается, — школы, ...обычаи, войска, дома, фабрики, — все, все-все копии с прот[естантских] и кат[олических] образцов; с России же ныне ни при чем, ни в чем — ни слова, ни мысли, одна речь о России — с голоса иностранных газет; ...словом, свет и тьма — вот для Японии другие государства и Россия. А чтоб веру взять, нужно любить, уважать ту страну, откуда взял!

Но, быть может, для Японии ныне и нехорошо и бесполезно взять православие?

Она желает ныне веры иностранной, ...как ресурса для подъема своей государ[ственной] жизни; для такой же цели действительно больше годятся идущие на всякие мирские сделки Инославия, Православию же нет тут места. Православие д[олжно] б[ыть] принято как Вера Христова. <...> Слишком замучено! Пусть отстоится, успокоится — глубже и яснее будет видно внутри. <...> Тогда придет очередь и Православию... бесконечно высокому. <...>

30 Декабр[я] 1886 / 11 Января] 1887. Вторник.

<...> Придет время: образованные умы, ныне служащие инославию, сами же разнесут его по клочкам как ложь, а наши невежественные умы православные — разовьются и отразят весь блеск Православия, и пойдет оно волнами света по лицу Земли — не облаками и тучей. Вместо катол[ического] рабства узнают люди подчинение истине, вместо протест[антского] своеволия возлюбят свободу. <...> Мир принадлежит истине, а не лжи, истина же в православии, но нужно, чтобы истина постепенно овладела миром: скороспелое и насильственное завоевание непрочно. Правосл[авное] Миссионерство должно быть делом всей Русской Церкви, — не Papal Board Of Missions и т. п. мелких движений. Но нужно, чтобы в сознание Русской Церкви вошла обязанность Миссионерства.

5/17 Июня 1887.

Пятница.

День был сырой, с свинцовыми тучами все время. И на душе было с утра целый день так сыро, так свинцово-тяжко, что таких дней в жизни мало, — а если б было больше, то ада не нужно бы другого. Так грустно, так печально, так безотрадно и теперь, что — д[олжно] б[ыть] это вот и есть то страшное состояние, когда Благодать Божия совсем отстает от человека, только — Боже — за что же это? Ужели и без того бедному человеку так мало страдать, что Ты еще бичуешь его — к ранам раны прилагаешь! Но за что же? Что, мы разве виноваты, что грех прежде нас существует и что мы, рождаясь, точно в кипящий котел попадаем? — Какая причина грусти сегодня? Да много причин.

4/16 Марта 1888.

Пятница на Масленой.

Гулял в Уено, в моей любимой тихой широкой аллее; изредка только прохожие прерывают течение мыслей; а шум верхушек почтенных сосен или разом брызнувший сноп лучей на прогалинах... такие успокаивающие и светлые мысли навевают. В прошлом и позапрошлом году почти в это время (в Рождеств[енский] отдых) там же гулял, — и почти те же мысли, то же настроение; от той же апатии и уныния старался отделаться. Ныне что за уныние все эти дни, навеянное письмом Победоносцева. <...> Прогулка изгнала сплин. Но надолго ли? Я, кажется, все больше и больше теряю душевную упругость. Положил на этот раз следующее: 1. Молиться всегда, не в пост только, молитвой св. Ефрема: «Господи и Владыко живота моего! Дух праздности, уныния...» Боже, помоги! И без того я один на Миссии, а уныние и последнего отнимает от дела Божия! Праздность — вследствие уныния — как она вредна и для Миссии, и для меня же самого — расслабляя и без того слабую душу! И что приятного в праздности? Ну вот вчера — отдыхал от занятий, читал, — думал успокоиться нервами; разве чувствовал удовольствие? Чувство человека на приятной

лужайке, но с загрязненными сапогами. <...> 2. Стараться приобрести «кротость», которой у меня решительно нет... Поступаться нравом своим в пользу любви и кротости, которые суть благое иго, даруемое Спасителем. 3. <...> Стараться поскорее закончить постройку собора. <...> 4. Завтра — ежедневно, несмотря ни на какие дни, вставать в 3 часа, — ложиться между 10¹/₂ — 11 час., и после обеда не отдыхать, а если сон станет очень клонить, прилечь на ¹/₄ часа. Помогите, Ап[остоле] Павле...! Помогите и вы, св. братья Кирилл и Мефодий, житие которых проф. Малышевского только что прочитал!

Вечером.

Говорить со всеми... кротко, разумно, от любви — тогда слово большею частию будет производить хорошее действие, по крайней мере не будет вредить; говорить же гневно, гордо, нетерпеливо — слово будет гнилое — люди так и примут его, и хорошего ничего не выйдет; попробуй гноем кто брызнуть на кого — всяк вознегодует, станет смахивать, противиться; душевные болячки — гнев, лень, гордость, нетерпение, злоба, ненависть и пр. не менее гадки, чем телесные, — из гнойной раны — гнева, гордости и пр. брызжащее слово — вонюче, мерзко, оттого и у людей возбуждает противодействие — тоже гнев, злость и т. п., — как и лошадь — лягнет, когда ее хлыщут. Итак — слово кроткое, любовное, разумное — ко всякому; и кто его не примет — ему же хуже, — а мне вреда не будет.

21 Ноября ст.ст. 1888.

Интересный и вместе с тем ужасный тип русской женщины сегодня встретил. <...> После службы у меня за чаем был, между прочим, след[ующий] разговор: «Говорят, буддизм сходен с христианством», — начала <...>. — «В нравственном учении буддизма действительно есть некоторое сходство с нашей религией, да и в какой же языческой религии его нет? Нравств[енное] учение язычников черпается из совести, которая и у них не потеряна». — «Но и веру учение Христа заимствовало из буддизма». — «Ну, это

говорят люди, не знающие хорошо ни учение буддизма, ни учение Христа». — <...> «Да отчего же Христу и не заимствовать из буддизма, если ему то понравилось? Он, Христос, был человек умный». — «Христос был Бог и изрекал Свое учение, как Божеств[енное] Повеление; Будда же, как и все в мире, и весь мир перед Ним — ничто», — оборвал я, чтобы прекратить это излияние нечистоты из клоаки генеральского разума... Прощаясь, адмиральша, видимо чтоб сгладить дурное впечатление своих отзывов о Христе, выпалила еще: «Я ведь большая поклонница Христа!» Долго уже я живу на свете, а все приходится удивляться. И это христианка! <...> Так-то высший класс у нас в России невежественен, хуже... чем необразованные мужики, касательно Веры. В школах долбят кое-что, но... скоро забывают, а позже вся эта сально-грязная струя низменных ходячих французско-немецких мыслей и слов хлещет в их мозги и сердца, и делаются они смрадные... до гнилости и отупения. <...> Грустно! Мучительно! Скорей бы России дунуть с себя эту накипь и нагар!

21 Декабря 1888 / 2 Января 1889.
Среда.

<...> Какой сулил Бог быть Японии — православной или инославной, — кто знает? Материальна и мелка она очень, на внешнее очень набрасывается, — а видимость, при сотнях миссионеров, учителей, учительниц со всеми обаяниями цивилизации, — у инославных. <...>

29 Декабря ст. ст. 1888.
Четверг.

Утром гулял в Уено, в моей аллее-советнице. Решил: в будущем году усиленно позаботиться об устройении своей внутренней жизни. Все до сих пор шло спустя рукава; нужно же, наконец, взять инициативу. Да поможет Господь в наступающем году особенно одолеть этот корень всех зол «леность». Ведь, в самом деле, если бы человек во всякое время употреблял все данные ему Богом средства и силы, как много человек сделал бы! Отчего же нет этого? Ответ один: леность заедает! И во мне — как много

этого зла! Скажут, что вовсе нет, но сам же я в себе гублю по крайней мере одного человека: если бы не лениться, все равно было бы что двое нас, а теперь и один-то через пень-колоду. И грех, и стыд. Итак, помоги, Господи, — в будущем году соблюдать: в отношении к Богу — молитву и чистоту, ...в отношении к людям — терпение и приветливость, к себе самому — прилежание и умеренность! Внешним признаком заботливости о сем да будет — с нового года ежедневное (и в Воскресенье) вставание в 3 часа и неотдыхание после полдня. <...>

А-ах, Господи, сколь благ для нас Закон Твой! Для избранных Твоих он не важен — «праведнику закон не лежит» или особенно злому человеку «закон не писан» (что, вероятно, принадлежит его уродству, и Ты, конечно, милосердно рассудишь сие); но для нас, для посредственников — Закон Твой — вся надежда наша на Жизнь! Не будь его, все мы — растаяли бы телесно и изгнили бы душевно, — но Закон Твой — узда для нас, — и мы — повиновавшись позорными мыслями и чувствами, все же остаемся не очень уклоненными от пути, не расслабевши телесно, — не исключая и обычных немощей, — не изгнившими вконец душевно. Все это не мешает нам быть последними из грешников, — не об этом речь теперь, не о гордости и смирении, а о благе Закона Твоего, Господи.

В 1859-й год я вступал в Академию.

В 1869-й в Хакодате — и скверно было!

В 1879-й — здесь, и тоже печально было, хотя, однако, тогда было 4000 христиан, а в 1869 — всего 3, — разница в 10 лет очень резкая...

В 1889-й год вступаю здесь — не радостно; Собор не кончен; христиан сравнительно мало, инославные массой давят.

По предыдущим примерам судя, следовало бы и в нынешнем году отправиться в Россию, но для какой же цели? Если только не по вопросу водворения Православия в Японии, то не желаю, и не дай Бог ехать в Россию. Мой единственный смысл жизни и радость — просвещение Японии Православием, и я верю, что сие будет, верю так же твердо, как верю в Бога, но достойна ли Япония принять Православие или ей еще сужден полумрак, — Господь весть! <...>

2/14 Января 1889.

Понедельник.

Был с новым визитом Соесима, граф. На вопрос мой: «Верно ли в Парламенте... будет поднят вопрос о вере для Японии?» — отвечал: «Не будет, ибо вера не касается Правительства; вера будет оставлена на произвол каждого». — «Но какой же веры будет Император?» — «Это его личное дело». — «Однако же вера весьма важна и с точки зрения государственной, и Правительству нельзя относиться к ней безразлично; Япония теперь в периоде искания веры для себя, только Правительство имеет возможность исследовать и определить, какая же вера истинна; для частных лиц это весьма трудно, средств не хватит, да и частное лицо, нашедши истину, не будет иметь авторитета, чтоб преподать ее государству, если Правительство не поможет народу в этом деле, наедут сюда все возможные секты, раздробят и поделят Японию и т. д.» Уже не в первый раз я ему толковал все это, а ныне рассказал, как наш Св. Владимир отыскивал истинную веру; говорили о разности отношений различных христианских исповеданий к Правительству; если войдет сюда католичество, то Япония завтра сделается рабом... Папы; если протестантизм — вера будет на посылках у правительства или же — как ныне в Америке (хвалятся — «свободная вера в свобод[ном] государстве») и Франции — будет раздавлена правительством. Все это граф слушал вперемешку со своими непонятными возражениями: «я, мол, сам сочиню веру» и т. п., или же — по-видимому слушал, кажется, ничего не слыша, а думая... свое, — ибо — ни на волос он не поддается никаким религиозным убеждениям вот уже сколько лет.

И, смотря на него, грустно становится за Японию; один из лучших людей Японии он, — и, кажется — может быть принят за представителя и выразителя духа народного; ужели же и вправду, как почти все иностранцы отзываются о японцах, — народ сей совсем безнадежен в религиоз[ном] отношении, индифферент или невер по природе? Чуть ли не больше по нему Найдт, унитарий из Америки, проповедующий в Тоокёо и, говорят, всегда имеющий большую аудиторию и последователей из высшего класса!

5/17 Января 1889.

Четверг.

Прочитал «Афоризмы» и «Максимы» Шопенгауэра. <...> Учение его, что «зло позитивно, а благо негативно» и что несчастье и страдание — общее правило и даже цель сей жизни, что за дикое ученье! Оттого он и сходится с буддизмом. Буддийское изречение: «Это есть сансара, мир похоти и вожделения, и скорби; мир рождения, болезни, одряхления и умирания, — ...мир, который... не должен существовать», — советует повторять всякому четыре раза в день. От него-то буддизм вошел краешком своего тумана в... пустые головы в Европе и Америке — а отсюда и в Японии, — «буддизм-де будущая религия Европы, на место исчезающего Христианства».

7/19 Января 1889.

Суббота.

Утром урок с... проповедниками. Частный и Общий Суд: воины, возвращающиеся поодиночке с поля битвы, и торжество по окончании всей войны... Когда Общий Суд — мы не знаем, как не знают рабочие, когда будет окончено здание нашего Храма и в каком он виде будет: каждый делает свое дело, но общего плана не знает... Но признаки есть, когда будет окончено, — это — когда все ремесленники внесут свою долю труда — когда останутся только негодные отбросы материалов, наконец, когда леса станут разбираться: так и там: когда все народы, услышав Евангелие, внесут свою долю в создание Церкви, когда на земле останутся одни негодные отбросы — злые последователи антихриста, и когда звезды спадут и пр. <...> Искупитель наш д[олжен] б[ыть] всемогущим для того, между прочим, чтобы истинно возводить и перетворять нас, иначе, напр[имер], св. пророк Давид мог ли бы наслаждаться блаженством при сознании своих грехов, или Моисей Мурин, или разбойник с креста. Но чувство греха и страдание у них погашено, ибо они ветхого человека сбросили и родились во Христе, ничего не ощущая боле от своих прежних падений, — не равно человек не ощущает боли от падения и ушибления, когда он был пятилетним, — отчего? Оттого,

что он совсем новый человек, возможно, он только помнит, что ушибся тогда, но боли не чувствует... Нужно так душе нашей возрасти во Христе — это великое таинство, — и все, что в Св[ященном] Писании о возрождении говорится — великая и отрадная истина, истина буквальная...

12/24 Января 1889.

Четверг.

Этакое несчастье! Сегодня в храме плотник Хирата, 30 лет, из деревни Симабура... из разбиравших подставки, оборвался по неосторожности и убится до смерти, упав на кирпичный помост под аркой (с север[ной] стороны). У бедного остались жена и трое детей. Товарищи его, положив труп на сколоченные доски, унесли домой. Быть может, из детей кто будет годен в одну из наших школ. Хоть бы этим помочь. Грустно!

Из Сан-Франциско некто Ск. Джефферс принес письмо и фотографии от преосв. Владимира. Сослуживцев и школьников у него много. Можно много добра сделать. Дай Бог ему! Невыразимо приятно будет, если в Америке станет на ноги наша Церковь. Сколько бы борющихся теперь в войнах протестантства нашли мирное убежище в ней! Впрочем, такие сочувствующие, как Джефферс, — не в счет — дальше слов не идут.

13/25 Января 1889.

Пятница.

Протестантов и взаправду, кажется, уже близко 30 тысяч в Японии — все восхваляются этим в газетах. А года 3 назад было вдвое меньше, чем у нас; теперь же мы наполовину отстали, ибо у нас всего 15 тысяч. Впрочем, и это сопоставление далеко не в похвалу протестантству, если принять во внимание, что у них одних иностранных... миссионеров до 300 душ, тогда как нас всего трое, и с о. Сергием, всего три месяца назад прибывшим. Впрочем, нет сомнения, протестанты все больше и больше будут нестись вперед и обгонять нас, прыгая и резвясь. <...>

Они совершенно как блудные дети, радостно несущиеся вдаль от родного крова в восхищении, что имеют в руках часть наследства и свободу тратить его как хотят. С какою радостью они толкуют о христианской свободе и как наивно пользуются ею. <...> Бедные! Как видимо беспутно расточают сокровище свободы, данное Отцом Небесным! Смешивают свободу с безалаберным самопроизволением и тем сами себя обедняют. Свобода есть беспрепятственное движение и жизнь в законных пределах; выскочишь из них — значит, лишишься свободы. Рыба — свободна и счастлива в своей стихии — воде; но если бы она под тем предлогом, что свободна сделать это, выпрыгнула на берег, то попала бы в стихию, которая не свойственна ей, которая бы... сковала ее, сделала ее жизнь на время мучительною, а со временем и совсем лишила бы ее жизни. Так и с протестантами, выпрыгнувшими из Церкви; они сами лишили себя благодатной атмосферы Церкви, и бьются, и трепещутся — точно рыба на песке, — чему верить? Не знают! Чему следовать? Не ведают! Все перемешалось и перепуталось во взаимных недоумениях и спорах; а неверие — точно шумящая и ревушая волна хлещет все выше и свирепее и рвет из рук у них последнее весло — надежду — Свящ[енное] Писание...

В Европе и Америке прот[естантский] мир все более и более приходит в сознание окончательной своей несостоятельности и уже почти совсем отрекся от Христа-Бога. (Elsmer* — выражение прот[естантского] сознания, потерявшего веру в божество Иисуса Христа.) Но щепы от разбивающегося Протестантства еще заносятся сюда в виде миссионеров — с ревностью набрасывающихся на Японию в таких количествах. И здесь японцы, точно дети в куклы, с восторгом начинают играть в пасторов, учителей, проповедников, диаконов и все — с неограниченною свободой толковать Свящ[енное] Писание по-своему и творить новые секты сколько душе угодно. В добрый час! Видно, так лучше, блудный сын пусть поважничает, растратится и почувствует свое убожество. Или этого не будет? Не опомнится? Но ужели японский дух — ни к чему не годен? Совсем не на счету у Провидения? Кто жил и умер только с ложью на устах и в душе — все равно что не жил. Нет — не верится этому. Много хорошего,

полезного Богу из японцев, которым не дай-то Бог умереть во тьме или полутьме. А это значит, что настоящие и будущие протестанты и католики здесь, избродив глухие тропинки, вернутся наконец на истинный и прямой путь, ведущий в Царство Небесное. Итак, будем трудиться и с помощью Божиею строить здание Правосл[авной] Церкви с твердою верой, что этим полагается камень в основание дома истинного прибежища для всего японского народа.

Но, Боже, взгляни же скорее оком милосердия на сей народ! Жизнь сия уподобляется плаванью в море или путешествию, но разве есть пловцы или путники, отвечающие на вопросы: «Куда направляетесь? Какая цель пути вашего?» — «Не знаем, не знаем!» А здесь у всего этого моря людей если спросить — что за гробом? Какая цель вашей жизни и т. д.? Никто не ответит как должно; все скажут: «не знаем», почти все — «и не хотим знать», — а иные, вроде здешних университетских ученых, засмеются на вопрос и назовут его глупым, мол-де — «с жизнью... человека все кончается — душа его исчезает». Что за ужасное состояние! <...> Именно «люди, сидящие во тьме и сени смертной»! Боже, засвети здесь солнце истинного Твоего Евангелия скорее!

«Церковь своим руководством стесняет, де» — блядословят неразумные протестанты. Ну да! А в темноте-то предлагающий руку надежный путеводитель тоже стесняет? Лучше лоб расшибить об стену либо ногу сломать? «Теперь-де не тьма, а цивилизация». Пусть. Но и среди бела дня разумные мореходы разве не берут лоцмана — там, где путь небезопасен или неизвестен? «Но и без лоцмана ходят и приходят». А церковь-то разве насильно и... непременно навязывает свое руководство? А как же по 40-50 лет жившие в пустыне отшельники плыли по житейскому морю? Не самостоятельно ли? Да еще и святыми стали, еще и книги, полные руководственного света, для других написали. Так и теперь, хочешь самостоятельно жить и думать — живи и думай, — Церковь будет радоваться за тебя, если будешь право идти; это-то собственно и цель Церкви — возрастить всех до самостоятельности (в меру возраста... Христова — значит, до высочайшей, идеальной самостоятельности). Но дело в том, что Цер-

ковь — всегда во всякую минуту готова поддержать, помочь, наставить, — чего в Прот[естант]стве нет и быть не может (читай Св[ященное] П[и]сание] и понимай как знаешь).

2/14 Февраля 1889.

Четверг.

Что за мерзкое сочинение Соловьева «L’Idee Russe». Таковую наглую и бессовестную ругань на Россию изрыгает русский! Католики зато как рады! Но не на свою ли голову радуются? Пусть Россия плоха — ...но разве следует из этого, что Православие плохо? А Японии нужно Православие и ничего боле — никаких... окрасок веры, ни русских, ни равно римских. Развить эту идею и поместить в нашем журнале.

23 Марта / 4 Апреля 1889.

Четверг.

Пожаловаться хоть бумаге на свое горе, коли живым людям некому. А горе делается легче, если оторвешь его от сердца и поставишь пред собой, — бессильной делается эта змея, перестает сосать кровь сердца, потом и совсем замрет. Горе же мое великое и нелегко и не всякому сказуемое. Пусть же оно здесь будет повергнуто, — к несчастью, не могу сказать — погребено. Строки эти если и попадутся кому, то разве после моей смерти, а «мертвые срама не имут», — притом же тогда и дело будет яснее, тогда как теперь — темна вода во облацех... Горе мое — сомнение в успехе дела Миссии. Третьего дня вечером при чтении писем... от катехизаторов и священников со мной чуть не было истерики; ударил же я по столу так, что от сотрясения лампада загасла. <...> Вскрикнул неистовым голосом: «О, Боже мой, Боже!», а потом пошел браниться по-японски... «Все только деньги и деньги!» Во всех почти письмах — просьбы денег или трактаты о деньгах. <...> Новое требование 20 [й]ен дорожных... и было соломинкой, переломившей хребет верблюда, для меня. Но это только

вспышка, а постоянная, гнетущая мысль: будет ли в самом деле какая-то польза из всех этих трат на Миссию? <...> Если я всю жизнь мою граблю Россию, бедную Россию, столь нуждающуюся в воспитательных средствах, на — ни что путное, на служение материальным вождениям <...>!

Боже, мысль эта может... свести с ума...! И мысль эта гнетет меня — она и есть то мученье, которое заставляет меня сравнивать себя с мучениками — без надежды мучеников на будущее.

30 Марта / 11 Апреля 1889.

***Четверг. (Ровно 9 лет, как рукоположен в
Епископы в Ал[ексandro-] Нев[ской] Лавре.)***

Однако же, если спокойно рассудить, то и не очень я могу винить себя... как выше сказано. Как я уехал сюда в 1860 г.? Самое благонамеренное и какое-то неудержимое желание служить церкви... — неудержимое, говорю, ибо все-все до единого кругом удерживали от этого шага (собственно, от монашества, ибо тогда было время самое антимонашеское). <...> Дальше, кто до сих пор держал в Японии? Тоже не самолюбие, не желание самоугождения. <...> С самого приезда в Японию до сих пор я не помню времени, когда не считал бы себя счастливым, если бы что хоть против воли моей вызвало меня из Японии. Но сам никогда не мог и теперь не могу уехать. Отчего? Да ужасаюсь греха пред Богом — самоволия. Бросить пост, когда нет причин к тому, а причин нет, всегда есть некоторое движение вперед — значит, что-то толкает вперед — так же, как (только более скоро) толкнуло в Академии. <...> Уйти, вот хоть бы теперь, когда давит дума — не бесполезны ли все траты? Но кто же мне скажет, что действительно бесполезны? Быть может, если не здесь полезны, то в России? Кто знает, какую нравственную пользу приносит Миссия одним своим существованием? Материальные расходы... Если подумать, что

* «Роберт Элсмер» («Robert Elsmere») — роман английской писательницы Х. Уорд (Мэри А. Арнольд), в котором христианство рассматривается как чисто социальное явление.

ежегодно миллионы текут из России в Европу на прихоти моды, то можно и не так мрачно смотреть на миссийские расходы.

6/18 Апреля 1889.

Великий Четверг.

Бедные протестанты: вечно они вздорят между собой и никак не могут прийти к соглашению, при всем своем добров[ольном] желании того: предмет спора все один и тот же. Законно ли и угодно Богу было их разделение на секты или нет? Слова о «единстве» своем, которого никак не могут открыть, при всей своей изобретательности. <...> Но не виноваты они в своем заблуждении — не их оно, а унаследованное от их матери катол[ической] церкви. И жаль их бедных. Но кто же должен прийти к ним на помощь? Ибо и к ним относится пророчество Спасителя, что «некогда Петр обратится», — они плоть от плоти церкви, считающей себя по преимуществу Петровою. Кто как не православная церковь? И пора ей выйти из страдательного положения. Она — мать детей Божиих, — что же она смотрит равнодушно, как дети блуждают по дебрям и делаются добычею диких зверей? Или бессильна она? Нет, теперь уже нельзя этого сказать о ней. Ну что, напр[имер], делают все заграничные наши священники? Кое-кто делает нечто весьма малое, а в совокупности — ничтожное... но в большинстве — ничего. Отчего бы не назначить им обязательного дела миссионерского? На первый раз, напр[имер], перевести нашу лучшую богослов[скую] литературу на английский, французский и немецкий языки. Так дана будет возможность всем желающим за границу знакомиться с правосл[авной] церковью. Потом — изучить основательно религиозное состояние стран... все богословские вопросы — со всех сторон и подготовиться разбирать и опровергать их. Когда это будет сделано, т. е. литература и люди подготовлены, тогда открыть Собор — не Вселенский (куда, у нас его бояться как Бог весть чего!), а конференцию, на которую и пригласить всех желающих единения катол[иков] и протестантов. Последних, конечно, множество найдется. В основание совещаний положить, что национальности не затрагиваются (ибо гордость мешает Западу больше всего). <...>

Можно быть уверенным в том, что немалое число протест[антов]... присоединится к Православию. А тогда уже будет легче: свои своих скорее убедят и привлекут. Через лет 7-8 повторить конференцию и т. д., и всякий раз, конечно, правосл[авный] невод будет вытаскивать немало рыбы, — это и будет настоящее служение «соединению всех» — о чем мы всегда молимся. Чего проще и легче? <...> Кому политич[еские] препятствия помешают быть на Соборе — Бог с ними; в следующий раз милости просим. Да что смотреть на политику в этом деле? Как сказал Гамалиил: «Если это было от Бога, то ничем не помешаешь ему». А это разве не от Бога?

4/16 Августа 1889.

Пятница.

Недавно... кончился собор здесь. На нем и после него до сих пор, сколько я страдал, Боже упаси! Церковь приводит в отчаяние. Кажется по временам, что ничего ровно, кроме пены, — дунуть — и все исчезло... <...> Как я счастлив был бы, если бы какое-либо независимое от меня обстоятельство вызвало меня из Японии и обратило на другой путь службы! Самому же бросить Японию страшно; не людей страшно, — хоть и совестно было бы, несказанно совестно сказать в России: «напрасно вы надеялись на Яп[онскую] Миссию — ничего из нее не вышло, — только деньги истрачены», но Божьего Суда страшно; что-то еще невольно удерживает в Японии, быть может, это тридцатилетний навик, а быть может, и воля Божия. В первом случае уехать из Японии было бы хорошо, — но кто же поручится, что это не последнее?

Так или иначе, но выехать самопроизвольно отсюда я считаю для себя так же невозможным нравственно, как если бы ангел с огненным мечом стоял на пороге Японии и преграждал мне выход. Итак, нужно мириться с жизнью и деятельностью здесь. Но как же помириться? Сегодня я опять был в Уено, в моей аллее-советнице, и вернулся оттуда несколько успокоенным и с просиявшим взглядом. Япония — страна, очевидно, приготовленная Промыслом к принятию христианства. Высший класс здесь, правда, погружен в туман земных удовольствий, не

видит нужды ни в какой религии, средний — уже лучше — считает религию нужною по крайней мере — как средство управления народом и т. п., — но низший, простой класс народа прямо и просто считает религию необходимою душевною потребностью, — и потому — или еще от сердца держится буддизма, или, почуяв недостаточность его — льнет к христианству. Итак — христианство сюда непременно должно войти. Какое же? А кто предскажет это? Систематичности от Яп[онского] народа ждать нельзя — он изменчив, как струя воздуха. Давно ли, напр[имер], ликовали все, что пересмотр трактатов успешно сделан с Америкой и Германиею, — а теперь почти все поголовно против пересмотра трактатов. Нет, — протестанство забирает силу благодаря массе миссионеров и средств, — но кто же поручится, что волна эта... будет идти поступательно, а не отбросит ее какое-нибудь неожиданное обстоятельство назад? Кроме изменчивости, еще черта Яп[онского] народа — послушность влияниям Правительства. Кто же уверит, что тут же через какие-нибудь 5-6 лет не произойдут такие политические комбинации, что Яп[онское] Правительство найдет полезным прильнуть к России, наподобие того, как теперь льнет к Германии и Англии, — и не даст чрез то толчок народу хлынуть к Православию? В руце Божией жребий народов; ныне жребий России и Японии — далеко друг от друга, но — одним сотрясением длани — они могут очутиться одно возле другого, другие же отброшенными в стороны далеко. Итак, нужно отдаться на Волю Божию. Или же нет совсем признаков благоволения Божиего к Православию здесь? Этого, по совести, я не могу сказать; напротив, во многих обстоятельствах почти наглядно является это Благоволение... Терпеть же дальше и стоять крепко на вверенном посту! По течению или ветру и бездушная лодка плывет, без бури и ветра и гнилой столб стоит. Но против течения или без попутного ветра может плыть только человек — от бури не упасть может только [нрзб], имеющее в себе устойчивость. Ленивы мы! Богом данных сил не хотим двинуть — оттого и падаем, нужно чтобы тащили и радовали нас благоприятные обстоятельства, тогда мы... плывем: «мы-де!» Гадко! Пусть и целые церкви отпадают, катехи-

Ворота Сиба. Токио.

Храм Юсион, Сиба, Токио.

Аллея в Сиба, Токио. Кон. XIX в.

Городской парк в Уэно, Токио. Кон. XIX в.

затары уходят, священники гниют, — стоять и работать бодро, не обращая ни на что внимания — не давая себе падать, уходить в уныние, гнить без деятельности — то и будет подчинение воле Божией, — а там, что ей угодно! Итак, Господи, дай же и никогда не отнимай от меня мир и бодрость! Дай быть Твоим верным рабом! Жаждет сего душа моя, — только не может без Твоей помощи!

24 Августа / 5 Сентября 1889.

Четверг.

Такое уныние, такое уныние, что не знаешь, куда деться! Никто в Японии так не страдает, как я. У японцев все дела определены, ограничены, — у инославных миссионеров — у всех свое общество, — если и есть горе, делят его друг с другом, и легче. Я вечно один, не с кем разделить дух[овные] печали, тяжелые душ[евные] состояния; а дело неопределенное, не знаешь, так ли оно идет, будет ли из него прок; если есть хорошие признаки — счастлив, если дурные — страдаешь, как в аду.

И дело неограниченное — никогда не скажешь, что сделано, — сколько ни думай, сколько ни трудись, никогда не скажешь даже, что начало положено.

Боже, где люди для служения Тебе здесь? Священники и катехизаторы — ни один... не утешает. <...> Ученики — все бездарность и убожество, к нам идут в школы только те, которым больше некуда деваться.

Итак, я один и нельзя ожидать людей! <...> А тут строится Собор и скоро будет готов, — кто в нем будет молиться? Не на позор ли Православию он строится? Но в таком случае, зачем же все удавалось? Ужели это не Божья помощь была, а искушение? Но для кого же? Меня нечего бить, я и без того весь забитый. Православной церкви еще заушина! Но, Господи, не жестоко ли рабу [нрзб] до конца, и еще бить и бить, — не дать ему ни в чем утешения! О горе, что за страдание! И еще, быть может, лет двадцать такого адского мучения!